

лѣтняя дѣвочка, входить, конечно, не могла, и всего болѣе интересовалась фабулой романа. Но, на бѣду, мать сказала, что въ романѣ есть мѣсто, которое «Таничкѣ слушать нельзя», и чтобы меня во-время отправили спать. Съ грустью усѣлась я на диванчикъ и внимательно слушала чтеніе.

Когда Левъ Николаевичъ уставалъ, онъ передавалъ книгу учителю, и тогда интересъ какъ будто ослабѣвалъ. Но лучшія и сильныя мѣста читалъ самъ Левъ Николаевичъ, и интересъ повѣсти сильно возрасталъ, и я подумать не могла уйти спать. Я притворилась спящей, меня не увили, и я все слышала, но не могла понять, гдѣ же то мѣсто, которое нельзя было слушать.

Послѣ чтенія пошли разговоры, и Левъ Николаевичъ говорилъ, что любовь шестнадцатилѣтняго юноши (сына) и есть и была настоящей сильной и чистой любовью, которую переживаетъ человѣкъ лишь разъ въ жизни, а любовь отца—это мерзость и развратъ. Эти слова запали мнѣ въ сердце.

Вскорѣ Левъ Николаевичъ уѣхалъ въ Ясную Поляну съ тѣмъ, чтобы потомъѣхать въ Самару на кумысъ. Онъ сильно кашлялъ, и это тревожило его. Его два брата умерли отъ чахотки.

Онъ обѣщалъ заѣхать къ намъ по дорогѣ. И действительно, весною, въ началѣ мая, проѣздомъ черезъ Москву, онъ заѣхалъ къ намъ.